Ф.И. Уланов

КОММЕМОРАТИВНЫЕ ПРАКТИКИ 25-ЛЕТНЕГО ЮБИЛЕЯ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ В 1837 И 1839 ГГ.

В статье рассматриваются коммеморативные практики 25–летнего юбилея Отечественной войны 1812 г., проведенные в 1837 и 1839 гг. Празднование этого юбилея фактически стало крупнейшим коммеморативным мероприятием, посвященным Отечественной войне 1812 г. в XIX в. На материалах публикаций в газетах и общественно-политических журналах, а также мемуарах современников автор рассматривает процесс формирования коллективной памяти: какие церемонии проводились, какие цели преследовало государство, какие нарративы исторической памяти существовали в прессе и в каком социополитическом контексте они существовали.
Ключевые слова: *Отечественная война 1812 года, коммеморативные практики, коллективная память, интеллектуальный контекст, юбилеи войны 1812 года.*

Для эпохи 1830-х гг. Отечественная война 1812 г. стала главным историческим событием, которое использовалось государством и образованной частью общества для конструирования национальной идентичности. Ещё свежие воспоминания многих участников войны и её история нашли свой отклик в сердцах послевоенного поколения.

Коммеморативная политика реализуется, в первую очередь, при помощи юбилейных мероприятий. Празднества, посвященные войнам с Наполеоном, проводились на протяжении 1830-х гг., и их апогеем стали торжества 1837 и 1839 г. – крупнейшие мероприятия, посвященными 1812 г. в первой половине XIX в. Их исследование в контексте проблематики мемориальной истории, что является целью данной статьи, имеет смысл проводить сквозь призму выявления сходств и различий коммеморативных практик во времена правления Александра I и Николая I, нарративов исторической памяти двух эпох.

Важнейшие источники по исторической политике и коммеморативным практикам – материалы периодической печати. Мы использовали центральные газеты и общественно-политические журналы: «Санкт-Петербургские ведомости», «Московские ведомости», «Русский инвалид» и «Северная пчела», «Журнал для чтения воспитанникам военно-учебных заведений», «Журнал Министерства внутренних дел» и «Военный журнал», «Сын отечества», «Библиотека для чтения», а также более либеральные «Московский телеграф», «Телескоп», «Галатея», «Отечественные записки», «Современник»[1]. Использовалось историко-публицисти-

[1] «Московскому телеграфу» и «Телескопу» оказалось не суждено дожить до юбилейных торжеств, они были закрыты по распоряжению Николая I в середине 1830-х. С 1838 г. «Современник» перешел в руки профессора Петербургского университета, поэта и критика П.А. Плетнева. В русле новой редакционной политики журнал сторонился важных общественных вопросов в этот период.

ческое сочинение «Торжество заложения храма во имя Христа Спасителя в Москве»[2]. Важную роль играют также воспоминания А.С. Пушкина[3], В.Г. Белинского[4], Д.В. Давыдова[5], А.Х. Бенкендорфа[6], В.А. Жуковского[7], историка А.М. Михайловского-Данилевского[8].

Торжества 1837–1839 гг. изучены лишь частично. Имеющиеся работы по проблеме социально-политического контекста эпохи и использования торжеств в политических целях[9], не рассматривают публикации об Отечественной войне 1812 г. через призму «мемориальной истории».

В 1820-е гг. память об Отечественной войне 1812 г. начала переходить из категории событий современности в категорию крупнейших исторических вех борьбы за национально-государственное существование. Историк Михайловский-Данилевский в 1819 г. во вступлении к статье «О сдаче Москвы», назвал войну 1812 года событием, принадлежащим истории «во всех отношениях»[10]. Похожие мнения высказывались и в периодике, например, в журнале «Сын отечества»: «…и происшествия, недавно совершившиеся, мало-помалу вступают в область истории»[11]. Писатель и критик Н.А. Полевой в статье, вышедшей в 1828 г. писал: «Влияние событий Отечественной войны 1812 г. существует для нас совершенно в историческом только отношении…». Появляются мнения о необходимости «уважения к достоинству исторических истин» и «применения оружия строгой критики», которая не только будет восхвалять смелость и отвагу русских воинов, но и объективно затронет действия французов: «Их подвиги также важны для истории. А французов мы не считаем уже… нашими неприятелями»[12].

Однако после 1830 г. память об Отечественной войне актуализируется с новой силой. Со страниц газет и журналов не сходили статьи и заметки, анекдоты и воспоминания, посвященные войне[13]. 1812 год становится главной исторической темой для современников, которые с «жадностью читают»[14] любые публикации, и «любопытство их совершенно не было удовлетворено»[15]. Некоторые публицисты даже ставят

[2] Торжество заложения храма… 1839.
[3] Пушкин 1948.
[4] Белинский 1954.
[5] Русская старина 1872. Т. 7.
[6] Исторический вестник. 1903.
[7] Жуковский 1902.
[8] Русский вестник 1890.
[9] Добровольская 2012; Шульц 2016; Цимбаев 2012; Тартаковский 1980; Кухарук 2002.
[10] Русский вестник 1819. № 5.
[11] Сын отечества 1819. № 46: 275.
[12] Московский телеграф 1828. №24: 2-3.
[13] См., напр.: Русский инвалид, 1834, № 79, 207; 1835, №2, 222, 224, 226, 229, 235; 1837, №144, 146.
[14] Литературные прибавления к «Русскому инвалиду». 1836: 778.
[15] Северная пчела 1832.

под сомнение какую-либо возможность объективно и правильно оценить события 1812 г.[16] А.Г. Тартаковский связывает этот масштабный всплеск интереса к теме войны 1812 г. с «особым сплетением общественных умонастроений и политических тенденций, которые обнаружили себя уже с самого начала 1830-х годов». Главной причиной исследователь считает польское восстание 1830–1831 гг., результаты которого усугубились для России внешнеполитическими последствиями западноевропейских революций. Де-факто отделение польских земель от Российской империи в ходе восстания, претензии на отторжение от неё украинских, белорусских и литовских земель и постановление, принятое польским Сеймом во время Восстания 1830 года, которое формально лишало российского императора Николая I прав на трон Царства Польского, нанесли глубокую рану национальным чувствам дворянства и широких кругов общества. Эти уязвленные чувства обострялись угрозами Франции вмешаться в русско-польский конфликт, а подобные действия имели бы риск перерасти во всеобщий поход западных держав против Российской империи. Незримая угроза новой войны, которая, как и наполеоновские войны, зарождалась на волне революций, с новой силой пробудила воспоминания о победной войне 1812 г., которые сохранились и в памяти последующих поколений[17]. Об этом писали современники. Так, А.С. Пушкин в письме к своей жене сообщал: «Мне сдается, что мы без европейской войны не обойдёмся»[18], а Д.В. Давыдов полагал, что война с Польшей в 1831 г. «едва ли не была грознее войны 1812 года»[19]. Сравнения с Отечественной войной в свете неудач в польской кампании (до конца лета 1831 г.) вызывали ностальгические воспоминания о полководцах-победителях Наполеона, в особенности о М.И. Кутузове. Цикл стихотворений Пушкина «Перед гробницею святой», «Клеветникам России» и «Бородинская годовщина» ярко выражает эту сложную гамму патриотических настроений.

Параллели с 1812 г. возникали и в условиях общественной жизни 1830-х. На фоне растущих консервативных настроений, транслируемых государством обществу, молодое поколение видело в Отечественной войне эпическую эпоху, полную, по словам В.Г. Белинского, «дивных, почти мифических потрясений»[20]. 1812 год для поколения молодых людей 1830-х гг. символизировал раскрытие независимых и сильных характеров героев войны, подъем духовных сил народа, нравственное раскрепощение общества. Белинский, тонко прочувствовавший эти настроения, писал о «тоске по жизни» и «зависти к великому прошедшему, столь полному славы и великих дел»[21] среди своих современников.

[16] Литературные прибавления к «Русскому инвалиду». 1838: 613.
[17] Тартаковский 1980: 190-191.
[18] Пушкин 1948: 93.
[19] Русская старина. 1872: 8.
[20] Белинский 1954: 7.
[21] Там же: 503.

Важную роль в процессе актуализации памяти о войне 1812 г. сыграло государство. По сути, торжества 1837 и 1839 гг. являются одним, пролонгированным юбилеем, стало даже новой традицией в проведении юбилейных мероприятий в Российской империи отмечать одно событие в течение продолжительного времени[22]. Юбилейные церемонии 1837 и 1839 гг., посвященные 25-летию Бородинской битвы и победе над Наполеоном, предварялись несколькими акциями государственного масштаба, которые представляли из себя единый продолжительный процесс по мемориализации Отечественной войны 1812 г. Такими акциями стали установка Александровской колонны в 1834 г. в Петербурге в честь царя-избавителя, Триумфальных арок в Москве в том же году, а также возведение памятников Кутузову и Барклаю-де-Толли перед Казанским собором в 1837 г. Колонна символизировала главенствующую роль императора Александра I в войнах с Наполеоном, в первую очередь в Отечественной войне 1812 г.: впечатляющий, монументальный памятник-олицетворение личных заслуг императора в победе, которые затмевали собой решающий вклад армии, народа и полководцев. А.Х. Бенкендорф писал, что возведение этого памятника должно было показать, что в войнах 1812–1814 гг. «Россия и Европа стяжали столь блестящий успех благодаря лишь непоколебимой твердости покойного Александра I»[23]. Стоит заметить, что идея постройки мемориального храма и памятников полководцам была присуща и эпохе правления Александра I. 25 декабря 1812 г. Александр подписал манифест о строительстве Храма Христа Спасителя в честь изгнания неприятеля из России, в 1818 г. – издал рескрипт о возведении памятников. В 1835 г. совместно с прусскими войсками были проведены летние торжественные военные маневры в польском городе Калиш, а в 1836 г. Николай I издал высочайшее повеление, в соответствии с которым планировалось воздвигнуть монументы на местах важнейших сражений Отечественной войны (Бородино, Тарутино, Малоярославец и т.д.)[24]. В 1837 г. Николаем I был подписан Высочайший указ, который поручил Департаменту уделов приобрести село Бородино в подарок Цесаревичу. Император планировал создать дворцово-парковый ансамбль для увековечивания памяти о войне 1812 года.

Церемониальные практики коммеморации

Крупнейшим юбилейным мероприятиям 1839 г. предшествовала праздничная церемония 9 мая[25] 1837 г., на которой состоялась торжественная закладка памятника на Бородинском поле в присутствии императора, духовенства, военных и гражданских чиновников. Епископ Исидор Дмитровский произнес торжественную речь, в которой вспомнил

[22] Цимбаев 2012: 450.
[23] Исторический вестник 1903: 41.
[24] Селедкина 1997: 101.
[25] Здесь и далее даты приводятся по старому стилю.

храбрость и доблесть русских воинов, их жертву царю, Богу и отечеству, и возможность «ныне живых» по воле «благочестивого монарха» отдать павшим честь, воздвигнув памятник. Церемония закладки предварялась молебном, а после неё состоялся праздничный обед для приглашенных дворян[26]. Церемония 1837 г. не идёт ни в какое сравнение по размаху с празднествами 1839 г. – апогеем торжеств 1830-х гг. Это объясняется тем, что именно победа над Наполеоном в 1814 г. воспринималась современниками как окончательная победа над врагом, а особым образом вспоминать о 1812 г. – об отводе войск из столицы после тяжелого генерального сражения, не любили ни русские монархи, ни военачальники[27].

Одним из центральных церемониальных мероприятий в юбилее Отечественной войны в 1839 г. стали торжества на Бородинском поле. Участие в юбилее помимо, разумеется, монаршей семьи, высших военных, гражданских чинов и духовенства, приняли ветераны Бородинского сражения, 150 тысяч действующих войск и иностранные гости. Император лично пребывал на Бородинском поле с 17 августа до 1 сентября и предпочел ночевать не в Бородинском дворце, а в палатке среди солдат, По вечерам в солдатской среде царили «воинственный разгул и веселье при строгом порядке и опрятности»[28].

Первые несколько дней церемонии (до 23 августа) император вместе со свитой уделил приветствию и осмотру прибывавших войск[29]; а следующие два дня наблюдал и командовал учениями отдельных подразделений[30]. Программа торжеств 26 августа включала в себя открытие нового монумента на батарее Раевского, молебен, военный парад и маневры с реконструкцией эпизодов Бородинской битвы и перезахоронение останков генерала П.И. Багратиона. После молебна и торжественного открытия памятника был зачитан особый приказ, в котором Николай I провозгласил Александра I спасителем России: «Его твёрдою волей спасена Россия…»[31]. 29 августа был произведен большой маневр «тем же числом войск и на тех же самых местах, которые занимались нашими войсками во время Бородинского сражения»[32].

Следующим важным мероприятием в праздновании 25-летней годовщины Отечественной войны 1812 г. стала торжественная закладка нового Храма Христа Спасителя[33], которая проходила 9 и 10 сентября 1839 г. Как сообщалось в брошюре «Торжество заложения Храма Христа Спасителя», строительство монумента явилось исполнением завета,

[26] Московские ведомости 1837. №40.
[27] Кухарук 2002: 134.
[28] Горбунов 2012: 155.
[29] Сын отечества1839. Т. 10: 23.
[30] Московские ведомости 1839. № 69; Санкт-Петербургские ведомости 1839. № 195; Русский инвалид 1839. № 208.
[31] Правительственный Вестник 1892 г. № 186: 2
[32] Московские ведомости 1839. № 72; Санкт-Петербургские ведомости 1839. № 202;
[33] Первый Храм Христа Спасителя был заложен в 1817 г., но его строительство прекратилось через несколько лет.

данного Александром I. Храм символизировал земную славу России и благодарственную жертву Богу[34].

Автору проекта К.А. Тону император поставил условие выполнить его в древнерусском стиле. Предыдущий проект, созданный в 1817 г. А.Л. Витбергом, символизировал своей тройственной структурой представления Александра I о просвещенной, объединенной и христианской Европе. Новый проект наоборот, противопоставлял европейской цивилизации концепцию, принципы которой сформулировал С.С. Уваров: «православие, самодержавие, народность»[35]. Сам Николай I скептически относился к идее о единой либеральной Европе, став очевидцем революционных волнений 1820–1830 гг. (к ним можно отнести Испанскую, Неаполитанскую, Португальскую, Пьемонтскую революции 1820-х гг., Бельгийскую и, наконец, Июльскую революцию 1830 г. во Франции).

10 сентября после завершения торжественной литургии в Успенском соборе, от Кремля в сторону нового места строительства храма двинулся крестный ход. По его завершению митрополит Филарет произнес речь, в которой говорилось, что божественное провидение иногда дает одному избранному «возвышенную мысль» (идея Александра I о строительстве Храма Христа Спасителя), а другому предстоит её исполнить (Николай I возобновил строительство этого храма). Затем митрополит провел параллель между правлениями российских императоров и иудейских царей Давида и Соломона[36].

Юбилей 1839 г. стал своеобразным триумфом «теории официальной народности». Особое символическое значение было вложено и в то, как протекали торжества. Сначала на Бородинском поле были отданы почести русским войскам (народность), затем Александру I и императорской фамилии (самодержавие), а в конце состоялась закладка Храма Христа Спасителя (православие). Ошибочным является восприятие торжеств 1839 года как праздника Бородинской годовщины 26 августа, передвинутого на два года вперед, к круглой дате года взятия Парижа.

В прессех писали о патриархальных истоках русского самодержавия. «Война наглядно показала, что наша народность вполне исчерпывается словом “царь”, в отношении к которому “Отечество” есть понятие подчиненное»[37]. Александр I представлялся единственным победителем Наполеона, а его преемник, Николай I, приведшим Россию к апогею её развития. Юбилей «вдохновленный мыслию царя», был объявлен великим явлением в жизни народа, формирующим его «национальное самосознание»[38]. Посредством юбилейных торжеств 1830-х гг. определенное влияние оказывалось и на европейские страны (в т.ч. Священного сою-

[34] Торжество заложения… 1839: 5.
[35] Крючкова 2011: 18.
[36] Торжество заложения храма... 1839: 10-11.
[37] Отечественные записки 1839. №10: 18.
[38] Московские ведомости. 1839. №№ 8, 9, 36, 50, 59, 61, 65.

за) через присутствовавших иностранных гостей, включая монархов. Неизгладимое впечатление на них должна была произвести демонстрируемая на протяжении торжеств военная мощь Российской империи.

Формирование нарратива исторической памяти в периодической печати и исторических сочинениях в 1837 и 1839 гг.

После известных декабрьских событий 1825 г. и ареста многих декабристов, бывших авторами в издании, а также последующего ужесточения цензурного надзора над прессой, журнал «Сын отечества» стал более консервативным. В начале 1839 г. была опубликована статья, в которой сообщалось о запланированном открытии «памятника русской славы, чести и воинской доблести на полях Бородинских, орошенных 24-го и 26-го августа 1812 года кровью верных Царю и Отечеству сынов»[39], посвященного событию, которое прославило, укрепило и превознесло Российскую империю. Кроме того, в журнале был опубликован фрагмент воспоминаний и размышлений Наполеона Бонапарта об Абукирской битве 1789 г., в которой французский военно-морской флот потерпел сокрушительное поражение от британских кораблей под командованием адмирала Горацио Нельсона[40]. В статье, вышедшей в «Отечественных записках» затрагивалась тема личных качеств Наполеона Бонапарта и комментировались мотивы, побудившие французского императора жениться на Марии-Луизе Австрийской, как необходимость легитимизировать свое правление при помощи династического брака[41].

Не все исторические сочинения, выходившие в 1830-е гг. удостаивались высокой оценки газетных критиков. Например, ими был оценен как низкокачественный перевод с французского языка сочинения «Записки Наполеона», «которое лишилось всех красок своих»[42]. Критике подверглись «Записки корнета бессмертного гусарского полка», в которых, по мнению рецензента, искажались события и говорилось о маловероятных вещах: например, о наличии глубокого снежного покрова в сентябре 1812 г. «Записки корнета» были объявлены поддельными и несоответствующими «священным Русским сценам 1812 г.»[43]. В газете «Русский инвалид» Наполеона Бонапарта обвинили в хвастовстве за то, что в работе над записками на острове Святой Елены он назвал поход 1812 г. Московским, поставив его в один ряд со своими победами 1805–1807 гг., хотя на самом деле он таковым не являлся[44].

В анонимной рецензии на «Описание похода во Францию в 1814 г.» Михайловского-Данилевского, опубликованной в 1837 г., отмечена важность результатов труда историка в освещении исключительной роли императора Александра I в Заграничных походах русской армии при со-

[39] Сын отечества 1839. Т 7: 27.
[40] Сын отечества 1839. Т 8: 111.
[41] Отечественные записки 1839. Т. 7: 12.
[42] Русский инвалид 1837. №47.
[43] Русский инвалид 1837. №103.
[44] Русский инвалид 1837. №135.

здании стратегических планов наступления, его благосклонное отношение и покровительство столице Франции, спасшие Париж от разорения[45]. Газета «Русский инвалид» перепечатала в нескольких номерах большой фрагмент сочинения историка и завершила эту серию статей цитатой, описывающей твердую волю и непоколебимость духа Александра I, благодаря которым был повержен сильнейший полководец столетия и возвращена независимость европейским престолам[46].

Следующий труд Михайловского-Данилевского – «Описание Отечественной войны 1812 года», вышедший в 1839 г., был написан по личному поручению Николая I[47]. Весьма любопытна история редактирования этого сочинения. В 1838 г. Николай I получил первый вариант книги, он в целом одобрил труд историка и даже назвал его «монументальным сочинением во славу императора Александра». В «Описании» преобладает тенденция изобразить Александра I «верховным двигателем» событий войны 1812 г., подкрепить тезис о том, что все сословия «воспламенились» вокруг престола перед угрозой Отечеству[48]. Тем не менее, император жестко раскритиковал первый вариант сочинения историка за чрезмерную похвалу М.И. Кутузову, когда полководца необходимо было критиковать. Кроме того, требовалось еще больше возвеличить Александра I как дипломата и руководителя накануне и в период кампании 1812 г., оттенить верноподданнический характер народного движения, устранив некоторые не подлежащие огласке сведения внутри- и внешнеполитического характера[49].

Чтобы лучше понять отношение царской власти к теме Отечественной войны 1812 г., следует обратить внимание на дальнейшие попытки историка исследовать войны 1812–1815 гг. В 1840 г. Данилевский обращается к А.И. Чернышеву с просьбой разрешить создание исторического описания похода 1815 г. и параллельно подготовить небольшое издание, охватывающее всю историю войн 1812-1815 гг. Полученный через военного министра ответ императора гласил следующее: «Государь император крайне бы желал, чтобы г.-л. Данилевский описал поход во Францию в 1815 г. весьма кратко и тем закончил Отечественную войну, дабы сколь можно скоро приступить к изображению войны с Турцией с 1806 по 1812 год. Это описание, по мнению его величества, крайне будет любопытно, и оного у нас вовсе недостаёт»[50]. Обострение восточного вопроса понизило в глазах царя и правящих кругов актуальность войны 1812 г. в пользу истории войн с Турцией 1806-1812 гг.

[45] Библиотека для чтения 1837. Ч. 21. Отд. V: 1.
[46] Русский инвалид 1837. №№ 9-33.
[47] Русский инвалид 1836. № 52.
[48] Русский вестник 1890. № 9: 155-156.
[49] Там же: 158.
[50] Тартаковский 1980: 205.

Кроме этого, как вспоминал историк, император распорядился «соединить в один состав, слить в одно целое Отечественную войну с заграничными походами, которые кончились в 1815 г., включив туда же Венский конгресс, без которого не может быть полно и ясно изображение эпохи, когда благословенный Александр совершил освобождение Европы»[51]. Это напрямую говорит о том, что интерес власти к Отечественной войне был опосредован европейскими, завершающими этапами конфликта. В пользу этого вывода говорит и то, что первой крупной публикацией историка стало описание похода 1814 г., а не кампании 1812 г. Объединение войны 1812 г. с последующими заграничными походами является продолжением тенденции коммеморативной политики правления старшего брата Николая I, поскольку Александр I тоже стремился запечатлеть период 1812–1815 гг. в массовом сознании как единый конфликт. Конкретно это проявилось, например, в нереализованном поручении французскому военному теоретику А. Жомини создать такой единый труд, посвященный истории войн.

Книга А.И. Михайловского-Данилевского, нетерпеливо ожидавшаяся обществом, «имела необыкновенный успех и разошлась быстро в числе многих экземпляров». В критическом разделе «Отечественных записок» вышла большая статья, посвященная этому сочинению, в которой преимущественно пересказывалось его содержание, но во вступлении была выдвинута идея о том, что Отечественная война 1812 г. сыграла особую роль в освобождении Европы, а также ярко проявила «врожденные качества русского народа, – благоговения к вере, беспредельной преданности царю и отечеству»[52].

В официозной газете «Северная пчела» была опубликована статья с показательным названием «Правда о 1812 годе, служащая к исправлению исторической ошибки, вкравшейся в мнение современников», которая стала реакцией на полемику А.С. Пушкина и Л.И. Голенищева-Кутузова, племянника полководца, о роли и значимости деятельности М.Б. Барклая-де-Толли в войне 1812 г. Автор статьи Ф. Булгарин довольно прямолинейно заявил: «Спрашивается, кто же спаситель России? Бог!», а «земные спасители России суть: император Александр Благословенный и верный ему народ русский. Кутузов и Барклай-де-Толли велики величием царя и русского народа; они первые сыны России, знаменитые полководцы, но – не спасители России! Россия спасла сама себя, упованием на Бога, верностью и доверенностью своему царю»[53].

В опубликованной в Журнале Министерства внутренних дел заметке о завершении проведенного по частной инициативе сбора средств на сооружение памятника новгородскому ополчению в войне 1812 г., подчеркивалась важность установки подобных монументов[54]. Сам па-

[51] Русский вестник 1890. № 9: 160.
[52] Северная пчела 1839. №223.
[53] Северная почта 1837. № 7.
[54] Журнал Министерства внутренних дел 1839. Т. 6: 35.

мятник, созданный по эскизу А.П. Брюллова, был открыт в июле 1840 г. В письме офицера гвардейского отряда, опубликованном в газете «Русский инвалид», описывается, с какой торжественностью в назначенных для прохождения городах люди встречали марширующие к юбилейным мероприятиям войска[55]. Жителям нескольких городов (Вышнего Волочка, Торжка и Старицы) было объявлено императором высшее благоволение за крайне теплый прием гвардейских полков, которые отправлялись на юбилейные торжества. Местные жители разместили офицеров и солдат на ночлег и устроили торжественные обеды в их честь[56].

Литературно-публицистический журнал «Современник» в 1837 г. впервые опубликовал одно из самых знаменитых стихотворений о Бородинской битве – «Бородино» М.Ю. Лермонтова. С точки зрения В.Г. Белинского, главная мысль произведения заключена в характеристике поколений: « – Да, были люди в наше время, / Не то, что нынешнее племя: / Богатыри – не вы!»[57]. Это воспринимается как «жалоба на настоящее поколение, дремлющее в бездействии и зависть к великому прошедшему, столь полному славы и великих дел»[58]. «Современник» опубликовал также письмо В.А. Жуковского Великой княгине Марии Николаевне, в котором он описывает Бородинские торжества, выражает уже довольно распространенную к тому времени мысль о решающей роли России в освобождении Европы от Наполеона и дает характеристику жизни в послевоенном мире. Наступившую эпоху поэт иллюстрирует как мирное время всеобщего благоденствия, объединения России и Европы и устремления к развитию общества и государства. Страна имеет для этого богатые ресурсы и возможности, а главное – самодержавную власть, которой обязана своей нынешней силой и могуществом[59].

В большой статье о жизни и военных заслугах М.И. Кутузова и М.Б. Барклая-де-Толли, а также их совместном вкладе в победной войне с Наполеоном, утверждается, что одна из главных заслуг Барклая – создание стратегического плана ведения военных действий в 1812 г., признанного одной из причин победы, наряду с «великой решительностью Александра I, храбростью войска и верностью народа»[60]. Кутузову выпала задача этот план реализовать. Автор замечает: «Барклаю не отдали тогда справедливости [в 1812 г.], не оценили его великих военных действий, которыми от пределов России до Смоленска сохранена была им русская армия, Наполеон завлечен в далекий поход и ни разу не видел уступки победы»[61]. Кутузов «дал бессмертную Бородинскую битву. Ка-

[55] Русский инвалид 1839. № 207.
[56] Журнал Министерства внутренних дел 1839. Т. 8: 69.
[57] Современник 1837. Т.5: 207.
[58] Белинский 1840: 35.
[59] Современник 1839. Т. 17: 199.
[60] Журнальное обозрение 1837. Т. 2: 372.
[61] Журнальное обозрение 1837. Т. 2: 376.

залось, что он этим только доказал неспособность удержать свирепого неприятеля», «сдал Москву», но спас армию, а затем разбил обманутого маневром Наполеона[62]. После смерти Кутузова в 1813 г. армии под командованием Барклая-де-Толли окончательно освобождают Европу. Но роль Александра I, по мнению автора, остается доминирующей.

В других статьях затрагивались темы церемонии открытия Александровской колонны на Дворцовой площади в 1834 г. (воспоминания Жуковского)[63] и сражения у Монтро, где описывается неудавшаяся попытка штурма города, в котором укрепились армии антинаполеоновской коалиции (перепечатка фрагмента сочинения Михайловского-Данилевского)[64]. В ней лично участвовал Наполеон, со слов историка, «демонстрируя пылкость и нетерпеливость в желании победить». В статье о пребывании Наполеона на острове Святой Елены Бонапарт представлен не как император Франции, «не как враг нашей Родины», а как человек, «в котором провидение заключило изумительную силу гения, дало ему поприще, соразмерное его силе, и потом хотело показать, что лишь прямое стремление к добру прочно и несокрушимо»[65]. В ряде материалов основное внимание уделялось истории создания первого варианта Храма Христа Спасителя в 1817 г., а затем и нового проекта. Подчеркивалось, что новый храм должен был стать памятником «незабвенной эпохи, который будет истинным выражением силы и просвещения нашего в настоящее время»[66]. Подробно описываются технологические и стилистические особенности обоих сооружений. Кроме того, акцентируется внимание на роли и заслугах императора Александра I в победе над Наполеоном, как и в благоденствии России, наступившем в правление его брата, Николая I. В другой статье описывается установка и открытие памятника на Бородинском поле[67] и приводится фрагмент из книги Д.П. Бутурлина «История нашествия императора Наполеона на Россию в 1812 году», посвященный тому, как проходила Бородинская битва.

В «Журнале для чтения воспитанникам военно-учебных заведений» в 1837 и 1839 гг. вышло большое число статей о войне 1812 г. В статье с лаконичным названием «1814 год» приведено подробное изложение военной и дипломатической истории, связанной с вступлением русских войск в Париж. Франция с её завоевательными походами сопоставляется с Римской империей: она «возмечтала покорение вселенной», это «возрожденное страшилище Римского честолюбия, Римских идей, Римских чувствований»[68]. Печатались воспоминания Жуковского об открытии Александрийской колонны[69], статьи-описания памятников вой-

[62] Журнальное обозрение 1837. Т. 2: 378.
[63] Журнальное обозрение 1837. Т. 2: 309.
[64] Журнальное обозрение 1837. Т. 3: 151.
[65] Журнальное обозрение 1837. Т. 3: 156.
[66] Живописное обозрение 1839. Т. 4: 178.
[67] Живописное обозрение 1839. Т. 5: 41.
[68] Журнал для чтения... 1837. №20: 263.
[69] Журнал для чтения... 1837. №31: 287.

не 1812 г.[70], биографические очерки о Кутузове авторства Михайловского-Данилевского[71] и отрывки из походных записок русского офицера за 1814 г.[72] Были перепечатаны фрагменты сочинения генерал-лейтенанта И.Н. Скобелева «Беседы русского инвалида, или новый подарок товарищам», представляющие собой патриотические наставления будущим молодым воинам. Автор повествует о многочисленных примерах доблести русских воинов, начиная от простых солдат и гражданских жителей, оказывавших бескорыстную помощь армии, и заканчивая генералами и даже членами императорской семьи и лично Александром I[73]. Сама же война 1812 г., пишет автор статьи, «положила первый камень в основание свободы владыкам и народам»[74], то есть победа в ней России стала главным фактором, положившим начало освобождению Европы.

Журнал опубликовал большой материал о церемонии перезахоронения князя П.И. Багратиона, одновременно вспоминая о мужестве полководца, проявленном в годы войны: о сложных маневрах соединения его подразделения с основными частями армии под Смоленском и героическом командовании в Бородинской битве[75]. Многие статьи рассказывали об искренней доброте и готовности российских солдат прийти на помощь ближнему в трудную минуту, такие, как история о казаке, который поменялся обмундированием с генералом, чтобы укрыть его от вражеской пули во время их совместной разведки[76]. Подробно освещались и сами Бородинские торжества 1839 г.[77] Была опубликована статья из «Военного журнала» за 1817 год «Обозрение разных обстоятельств Отечественной войны (1812 года) и Заграничных (1813 и 1814 года) походов»[78]. Описания этих событий начинаются с декабря 1812 г. и не затрагивают таких событий войны, как Бородинское сражение. «Журнал для чтения…» опубликовал также сентиментальное письмо с воспоминаниями солдата (авторство не указано) о Бородинском сражении и юбилейных торжествах 1839 г. своему сослуживцу[79].

«Военный журнал» активно публиковал статьи с историей военных действий в 1813 и 1814 гг.[80] В «Журнале для чтения…» появилась статья Д.В. Давыдова о теории ведения боевых действий партизанскими отрядами и истории их применения после Бородинского сражения[81]. Эта

[70] Журнал для чтения... 1837. №35: 299.
[71] Журнал для чтения... 1837. №35: 269.
[72] Журнал для чтения... 1837. №36: 269.
[73] Там же: 98.
[74] Журнал для чтения... Т. 17. №67. 1839: 212.
[75] Журнал для чтения... Т. 19. №76. 1839: 538.
[76] Журнал для чтения... Т. 20. №77. 1839: 135-136.
[77] Журнал для чтения... Т. 20. №78. 1839: 261.
[78] Журнал для чтения... Т. 20. №80. 1839: 426.
[79] Журнал для чтения... Т. 21. №82. 1839: 111.
[80] Военный журнал. 1837. №№1-2, №4.
[81] Журнал для чтения... 1837. №14: 141.

статья с анализом действий партизанских отрядов в России и европейских странах была не единственной[82]. В статье «Военные действия отряда генерал-адъютанта Чернышева в 1812, 1813 и 1814 годах» подробно излагается история боевых действий партизанского, или летучего, отряда, руководимого А.И. Чернышевым[83]. Во введении к ней кампании 1813 и 1814 гг. называются «эпохою в истории, по влиянию, которое она имела на взаимные политические отношения европейских держав и на дух и образ мыслей народов, которые она ознакомила с их силами»[84], а война 1812 г. не упоминается. В журнале появился ряд публикаций с подробными историческими описаниями сражений войны 1812 г.[85]

***

После довольно продолжительного периода снижения интереса к войне 1812–1814 гг. в самом конце 1810-х и в 1820-е гг., в 1830-е гг. происходит реактуализация воспоминаний о ней под влиянием внешне- и внутриполитических событий, что выразилось в череде официальных коммеморативных мероприятий, всплеске интереса к войне в прессе и издании развернутых исторических сочинений.

Николай I в своей коммеморативной политике, на первый взгляд, был продолжателем дела старшего брата, императора Александра I. Однако можно увидеть несколько важных особенностей в мемориализации памяти о войне 1812 г. в период правления Николая I: это создание единого официального нарратива Отечественной войны 1812 г. и заграничных походов 1813–1814 гг., что выразилось в высочайшем повелении Михайловскому-Данилевскому создать единое историческое описание войн, а также в личном участии императора в его редактировании. Еще одна особенность – актуализация Бородинского сражения в качестве «места памяти», поскольку все официальные юбилейные мероприятия проводились именно на поле битвы возле села Бородино. Другим фактом, подтверждающим этот вывод, является крайняя распространенность Бородинской тематики в периодических статьях и публикациях.

При помощи юбилейных мероприятий, исторических сочинений, периодической печати транслировалась концепция о преобладающей роли царской власти в консолидации населения при борьбе с иноземным захватчиком. Помимо прочего, в том, как происходила мемориализация войны в 1839 г., можно наблюдать связь между событиями современности и прошлого, непрерывную связь между правлением Александра, освободившего Россию и мир от угрозы, заложившего основы для процветания империи, и Николая, подхватившего эту тенденцию и доведшего благосостояние страны до высочайшего уровня. Царская власть представляется главным благодетелем народа Российской империи.

[82] Журнал для чтения... 1837. №19: 276.
[83] Военный журнал 1839. №1: 1; Военный журнал 1839. №2: 1.
[84] Военный журнал 1839. №1: 2.
[85] Военный журнал 1839. №3: 139.; 181; 185.

Другой важной тенденцией, продолженной Николем I, было стремление объединить в массовом сознании войну 1812 г. с последующими заграничными походами, чтобы акцентировать внимание на финальных этапах борьбы с Наполеоном и освобождении Европы.

Государственные инициативы в мемориализации событий войны 1812 г. оказались активно восприняты обществом: участие народа в церемониальных мероприятиях, многочисленные публикации в прессе по теме войны, всё это говорит о существовавшем совпадении интересов и запросов общества, по крайней мере, образованной его части, с мемориальной политикой государства в конце 1830-х гг.

ИСТОЧНИКИ

1814 год // Журнал для воспитанников военно-учебных заведений. 1837. №20. С. 255-281.
А.К. Отрывок из письма к товарищу офицера Гвардейского отряда, следующего из С.-Петербурга в Бородино // Русский инвалид. 1839. № 207.
Абукирская битва. Сочинение Наполеона // Сын отечества. 1839. Т 8. С. 111-138.
Александровская колонна // Журнальное обозрение. 1837. Т. 2. С. 309-317.
Барклай-де-Толли и Кутузов // Журнальное обозрение. 1837. Т. 2. С. 372-383.
Белинский В. Г. Стихотворения М. Лермонтова. СПб., 1840. 168 с.
Белинский В. Г. Полное собрание сочинений. М., 1954, т. IV, 684 с.
Бой при редуте Гевардинском, 24-го августа 1812 г. // Военный журнал. 1839. №3. С. 125-146.
Бонапарте и Мурат // Журнал для чтения воспитанникам военно-учебных заведений. 1839. Т. 17. №68. С. 382-399.
Военные действия отряда генерал-адъютанта Чернышева в 1812, 1813 и 1814 годах // Военный журнал. 1839. № 1. С. 1-37.
Военные правила Наполеона // Журнал для чтения… 1839. Т. 21. № 82. С. 223-248.
Воспоминание о торжестве 30-августа 1834 года // Там же. 1837. № 31. С. 282-289.
Добрый солдат // Журнал для чтения… 1839. Т. 20. № 77. С. 135-136.
Жуковский В.А. Полн. собр. соч.: В 12 т. СПб., 1902. Т. 10. 558 с.
Журнал военных действий польской армии // Военный журнал. 1837. №4. С. 1-28.
Журнал военных действий союзных армий, со времени переправы их за Рейн, в декабре месяце 1813 года, до выступления из Франции в мае 1814 года // Военный журнал. 1837. № 1. С. 6-35.
Журнал Министерства внутренних дел. 1839. Т. 6. С. 35; Т. 8. С. 69.
Записки корнета бессмертного гусарского полка // Русский инвалид. 1837. № 103.
Записки Наполеона // Русский инвалид. 1837. № 47.
Записки партизана Дениса Давыдова. Воспоминания о польской войне 1831 года // Русская старина. 1872. Т. 7. С. 1-38.
Из воспоминаний А.М. Михайловского-Данилевского // Русский вестник. 1890. № 9. С. 155-161.
Из записок графа А.Х. Беркендорфа // Исторический вестник. 1903. № 1. С. 31-59.
Известия из Бородинского лагеря // Журнал для чтения… Т. 20. № 78-79. 1839. С. 258-263, 351-359.
Изъяснение к плану боя при редуте Шевардинском // Военный журнал. 1839. №3. С. 180-189.
Литературные известия // Северная пчела. 1839. № 223.
Литературные прибавления к «Русскому инвалиду». 1836. № 97; 1838. № 31.
М.Ю. Лермонтов. Бородино // Современник. 1837. Т. 5. С. 207-211.
Маленькое военное замечание о хвастовстве // Русский инвалид. 1837. № 135.
Михайловский-Данилевский А.И. «О сдаче Москвы» // Русский вестник. 1819. № 5. С. 5-24.
Монтро // Журнальное обозрение. 1837. Т. 3. С. 145-152.
Московские ведомости. 1837. № 40; 1839. № 69; № 72; №№ 8, 9, 36, 50, 59, 61, 65.
О партизанской войне // Журнал для чтения... 1837. № 14. С. 126-144.
Обозрение разных обстоятельств Отечественной войны (1812 года) и Заграничных (1813 и 1814 года) походов // Журнал для чтения… 1839. Т. 20. № 80. С. 396-435.

Описание войны 1812 года Дмитрием Ахшарумовым // Сын отечества. 1819. № 46. С. 275-277.
Описание похода 1814 г. во Францию, генерала Михайловского-Данилевского // Библиотека для чтения. 1837. Ч. 21. С. 1-15.
Описание похода 1814 г. во Францию, генерала Михайловского-Данилевского // Русский инвалид. 1837. №№ 9-33.
Остров Святой Елены // Журнальное обозрение. 1837. Т. 3. С. 156.
Отрывок из походных записок русского офицера // Журнал для чтения... 1837. №36. С. 269.
Отрывок письма Е.И.В. Великой княгине Марии Николаевне о Бородинском празднике. В.А. Жуковский // Современник. 1839. Т. 17. С. 195-210.
Очерк русской литературы за 1838 и 1839-й годы // Сын отечества. 1839. Т. 10. С. 130-155.
Очерки Бородинского сражения (воспоминания о 1812 годе) // Отечественные записки. 1839. Т. 7. С. 1-21.
Памятник на Бородинском поле // Живописное обозрение. 1839. Т. 5. С. 39-45.
Перенесение тела князя Багратиона на Бородинское поле // Журнал для чтения… 1839. Т. 19. № 76. С. 520-543.
Письмо из Бородина от безрукого к безногому инвалиду // Отечественные записки. 1839. №10. С. 10-35.
Письмо. Журнал для чтения… Т. 17. № 66. 1839. С. 80-95.
Полевой Н. Исторические известия о пожаре Московском 1812 года // Московский телеграф. 1828. № 24. С. 1-24.
Постепенное усовершенствование партизанства в Германии, Венгрии, Испании и России // Журнал для чтения… 1837. № 19. С. 260-276.
Правда о 1812 годе, служащая к исправлению исторической ошибки, вкравшейся в мнение современников // Северная почта. 1837. № 7.
Правительственный Вестник. № 186. 26 августа 1892 г.
Присутствие духа русских солдат // Журнал для чтения... 1837. № 30. С. 254-256.
Пушкин А.С. Полн. собр. соч. М.; Л., 1948, т. XV, 638 с.
Расписание российских и французских войск, находящихся в деле при редуте Шевардинском // Военный журнал. 1839. № 3. С. 181-215.
Русский инвалид. 1836. № 52.
Русский инвалид. 1839. № 208.
Самоотверженный поступок донского казака // Журнал для чтения… 1839. Т. 20. № 77. С. 135-137.
Санкт-Петербургские ведомости. 1839. № 195.
Санкт-Петербургские ведомости. 1839. № 202.
Северная пчела. 1832. 6 апр. № 80.
Современная история: летопись событий за август 1839 года // Сын отечества. Т. 10. 1839. Отд. V. С. 1-35
Современная история: летопись событий за январь и февраль 1839 года // Сын отечества. 1839. Т 7. Отд. V. С. 1-32.
Солдатское письмо из Бородина // Журнал для чтения… 1839. Т. 21. № 82. С. 108-115.
Торжество заложения храма во имя Христа Спасителя в Москве 1839 г. сентября 10-го дня. М.: Б. и. 1839. 23 с.
Хладнокровие русских офицеров // Журнал для чтения… 1837. № 30. С. 250-261.
Храм Спасителя в Москве. Статья первая // Живописное обозрение. 1839. Т. 4. С. 175-179.
Церковь, сооруженная на поле Бородинском // Журнал для чтения… 1837. № 35. С. 293-302.
Черты из жизни князя Кутузова-Смоленского // Там же. 1837. № 35. С. 269-280.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

Война 1812 года и концепт "отечество": из истории осмысления государственной и национальной идентичности в России: исследования и материалы: монография / В.Е. Добровольская и др.; сост., ред. М.В. Строганов. Тверь: Изд-во СФК-Офис, 2012. 686 с. [Vojna 1812 goda i koncept "otechestvo": iz istorii osmysleniya gosudarstvennoj i nacional'noj identichnosti v Rossii: issledovaniya i materialy: monografiya / V.E. Dobrovol'skaya i dr.; sost., red. M.V. Stroganov. Tver': Izd-vo SFK-Ofis, 2012. 686 s.].
Горбунов А.В. Бородинские торжества 1839 и 1912 гг. как образцы празднования исторических юбилеев в Российской империи / Можайск: Госуд. Бородинский военно-исторический музей-заповедник, 2012, С. 153-161 [Gorbunov A.V. Borodinskie torzhestva

1839 i 1912 gg. kak obrazcy prazdnovaniya istoricheskih yubileev v Rossijskoj imperii / Mozhajsk: Gosudarstv. Borodinskij voenno-istoricheskij muzej-zapovednik, 2012, S. 153-161].

Крючкова О.Н. Семиотика храма в русском и английском общественном сознании на примере Храма Христа Спасителя в Москве и Собора Святого Павла в Лондоне: автореф. дисс. канд. культурологии. Москва: МГУ, 2011. 25 с. [Kryuchkova O.N. Semiotika hrama v russkom i anglijskom obshchestvennom soznanii na primere Hrama Hrista Spasitelya v Moskve i Sobora Svyatogo Pavla v Londone: avtoreferat dis. kandidata kul'turologii. MGU im. M.V. Lomonosova. Moskva, 2011. 25 s.].

Некруглая дата: открытие памятника на Бородинском поле в 1839 году / А. Кухарук // Родина. 2002. № 8. С. 134-136. [Nekruglaya data: otkrytie pamyatnika na Borodinskom pole v 1839 godu / A. Kuharuk // Rodina. 2002. № 8. S. 134-136].

Тартаковский А.Г. 1812 год и русская мемуаристика. Москва: Наука, 1980. 312 с. [Tartakovskij A.G. 1812 god i russkaya memuaristika. Moskva: Nauka, 1980. 312 s.].

Селедкина С.Н. Изготовление и открытие Бородинского памятника по документам Российского государственного исторического архива // Отечественная война 1812 года. Источники. Памятники. Проблемы. Бородино, 1997. С. 100-108. [Seledkina S.N. Izgotovlenie i otkrytie Borodinskogo pamyatnika po dokumen-tam Rossijskogo gosudarstvennogo istoricheskogo arhiva // Otechestvennaya vojna 1812 goda. Istochniki. Pamyatniki. Problemy. Borodino, 1997. S.100-108].

Цимбаев К.Н. Реконструкция прошлого и конструирование будущего в России XIX века: опыт использования исторических юбилеев в политических целях // Историческая культура императорской России. Формирование представлений о прошлом / Отв. ред. А.Н. Дмитриев. М.: ИД «НИУ ВШЭ», 2012. 626 с. [Cimbaev K.N. Rekonstrukciya proshlogo i konstruirovanie budushchego v Rossii XIX veka: opyt ispol'zovaniya istoricheskih yubileev v politicheskih celyah // Istoricheskaya kul'tura imperatorskoj Rossii. Formirovanie predstavlenij o proshlom / Otv. red. A.N. Dmitriev. M.: ID "NIU VSE", 2012. 626 s.].

Шульц М.В. Роль П. фон Хесса и А.И. Михайловского-Данилевского в создании официального варианта истории отечественной войны 1812 года / Актуальные проблемы теории и истории искусства. 2016. № 6. С. 569-577 [SHul'c M.V. Rol' P. fon Hessa i A.I. Mihajlovskogo-Danilevskogo v sozdanii oficial'nogo varianta istorii otechestvennoj vojny 1812 goda. / Aktual'nye problemy teorii i istorii iskusstva. 2016. № 6. S. 569-577].

***Уланов Филипп Игоревич**, аспирант, Российский государственный гуманитарный университет, Факультет истории, политологии и права, кафедра истории и теории исторической науки: philx93@yandex.ru*

Practices of commemoration of 25th anniversary of the Patriotic war of 1812 in 1837 and 1839

This article is aimed to study practices of commemoration of 25th anniversary of the Patriotic war of 1812 in 1837 and 1839. The celebration of this anniversary became the most large-scale commemorative event in the social and political life of Imperial Russia in the 19th century dedicated to the Patriotic war of 1812. A historical analysis is performed on the material of mass media and memoirs of contemporaries. The focal point of our article is a set of commemoration practices the state used during the celebration: what ceremony was carried out and what goals are pursued by the state, what are the narratives of historical memory has existed in the press. Analysis of those practices can help understand the process and mechanism of formation of the collective memory.

Key words: the Patriotic war of 1812, practices of commemoration, collective memory, intellectual context, jubilees of the Patriotic war of 1812

***Philipp Ulanov**, post-graduate student, Russian State University for the Humanities, faculty of History, Political Science and Law; philx93@yandex.ru*